

В окружении слушателей рассказчик, не в силах отказать публике, начал свой сказ. Цзи Юэлин слушала с живым интересом: рассказчик начал с истоков — с родословной прежних императоров.

История земель Цзючжоу берет свое начало с момента спуска на землю трех древних святых. Чжунъяньюнь стал местом их появления. Существуют предания, что трое святых были родными братьями, другие же говорят — двое мужчин и женщина, или один мужчина и две женщины. Конечно, большинство склоняется к тому, что они не были братьями, а были братьями по учению, ведь у них были разные фамилии: Цзян, Цзи и Сюаньюань. Кроме фамилий, что из этого правда, сейчас уже не установить.

Никто не знал, откуда пришли святые. Спустившись с Чжунъяньюнь на остров Пэнлай, они научили людей пользоваться огнем, плавить металлы и возделывать землю, за что народ признал их своими вождями. Позже они узнали, что по ту сторону моря, на огромном материке, люди все еще живут в невежестве: без одежды, чтобы укрыться, и без еды, чтобы утолить голод. Тогда трое святых решили переправиться через море, чтобы нести учение и спасти людей из пучины страданий.

Преодолев немыслимые трудности в пути, они ступили на берег и поняли, что земли эти слишком обширны, поэтому решили разделиться. Святой по фамилии Цзи отправился на юг, Сюаньюань — на север, а Цзян — на запад. Каждый из них шел своим путем, принося благо людям. Народ почитал их как своих наставников, следовал за ними и возвел в ранг королей. Святые всю жизнь посвятили наставничеству, пока не скончались. Они вступали в союзы с местными жителями, оставляя потомство, которое впоследствии также почиталось как вожди.

Один из посетителей чайной выразил недовольство и, перебив рассказчика, воскликнул:

— Господин, все, что вы говорите, мы и так знаем. Расскажите лучше что-нибудь свежее!

Рассказчик, не смутившись, улыбнулся:

— Не торопитесь, почтенный, я как раз собираюсь перейти к этому.

Цзи Юэлин тоже показалось, что он говорит скучно — вероятно, из опасений, что кто-то донесет на него за вольные рассуждения о правящем роде, вот он и ходит вокруг да около. На самом деле он зря беспокоился: в первый же год своего правления Цзи Юэлин провозгласила свободу слова, особенно на острове Пэнлай, где не было никакой цензуры. Преграждать путь народным речам опаснее, чем преграждать путь рекам. Это место стало пристанищем для литераторов и художников, и Цзи Юэлин надеялась возродить ту эпоху, когда люди не боялись открыто высказывать свои мысли. Цель — сделать народ просветленным — была далекой и трудной. Всею виной был проклятый Цзян Си, который, поверив клевете, разрушил всё. Теперь восстанавливать былое — задача не из легких, но Цзи Юэлин знала, что она будет достигнута.

Цзи Юэлин тосковала по временам, проведенным в юности на Чжунъяньюнь. Тогда в своей юношеской наивности она думала, что познала печаль, но лишь позже поняла, как бесценны

были те дни: она грустила, не зная бед, и радовалась, не осознавая своего счастья. Жизнь подобна сну, много ли в ней настоящей радости?

Она прошептала себе под нос:

— Шичэнь, то, о чем ты мечтала, я исполнила. Теперь ты можешь обрести покой?

В этот момент раздался голос:

— А расскажите о Чжунъяньюнь?

Говорил интеллигентный юноша с легким южным акцентом. Он добавил смущенно:

— Это же место, о котором мечтают все ученые мужи Поднебесной.

Рассказчик посмотрел на юношу, будучи жителем Пэнлая, он сразу понял его намерение и с улыбкой спросил:

— Вы хотите отправиться на Чжунъяньюнь?

Юноша неловко почесал голову и ответил:

— Осмелюсь спросить вас, господин, неужели Чжунъяньюнь действительно запретная зона?

Он уже некоторое время жил на острове Пэнлай и даже пытался найти перевозчика, чтобы добраться до Чжунъяньюнь, но никто не решался взять заказ. На вопросы о причинах лодочники лишь разводили руками, не в силах дать вразумительный ответ. Однако пару дней назад он заметил у причала большой корабль. Он надеялся, что доступ на Чжунъяньюнь открыт, но не осмеливался подойти и спросить, так как корабль охраняли суровые люди с оружием в руках. Вот и решил попытать удачи у рассказчика, хотя понимал, что тот вряд ли даст ответ.

Так и вышло: рассказчик покачал головой, не ответив прямо:

— Для того, кто стремится к знаниям, весь мир — Чжунъяньюнь. К чему вам привязываться к клочку земли?

Цзи Юэлин, постукивая пальцами по столу, молча согласилась с его словами. Чай пить больше не хотелось — лишнее лишь помешает в пути.

— Тогда расскажите о генерале Юнь?

Пальцы, постукивавшие по столешнице, замерли. Цзи Юэлин посмотрела в сторону юноши, ее взгляд стал тяжелым. Лицо рассказчика тоже переменялось. Юноша решил, что тот не понял, о ком речь, и добавил:

— О генерале Чжэньнань прежней династии, Юнь Шичэнь.

Рассказчик вскочил со своего места, отвесил поклон и произнес:

— Прошу прощения, дела мои на сегодня окончены, позвольте откланяться.

Сказав это, он поспешно ушел. Цзи Юэлин мрачным взглядом проводила его удаляющуюся фигуру. Всего лишь трусливый человек, боящийся собственной тени.

Цзи Юэлин отвернулась и снова принялась скучающе постукивать по столу. Юноша остался стоять на месте, разочарованно пробормотав:

— Великие полководцы не знают заката, красавицы не знают седины, и то верно...

Цзи Юэлин больше не обращала на него внимания. Она смотрела вперед, лицо ее было лишено эмоций, а взгляд расфокусирован. Дождь не прекращался. Если бы Жуань Сихэ и Цзинь И не удерживали ее изо всех сил, она бы уже отправилась в путь. Но те так усердно уговаривали ее, что были готовы встать на колени, и Цзи Юэлин пришлось уступить. Она решила прогуляться по Новой Западной улице.

Вдоль всей улицы тянулись крытые галереи, так что дождь был им не страшен. Вокруг было полно любопытных мелочей, и не успели они пройти и круг, как их багаж стал заметно тяжелее. К счастью, Жуань Сихэ занималась боевыми искусствами и была достаточно сильна, чтобы нести груз. Цзи Юэлин тоже взяла на себя часть, а вот Цзинь И досталось меньше всех. Ничего не поделаешь: она была слаба, совсем не знала боевых искусств, руки-ноги тонкие, никакой силы. Жуань Сихэ и Цзинь И безропотно следовали за своей госпожой, радуясь, что та предпочла прогулку утомительному путешествию под проливным дождем.

Проходя мимо лавки с картинами и каллиграфией, Цзи Юэлин, изначально не проявлявшая интереса, вдруг замерла. Ее взгляд упал на портрет девушки. Она ошеломенела. На картине было изображено лицо той, по которой она тосковала каждую ночь, ворочаясь в постели! Сколько раз в полудреме она тянулась к пустому месту рядом, и эта тоска пронзала ее до костей.

Юнь Шичэнь... Откуда здесь ее портрет?

Цзи Юэлин застыла на месте, словно зачарованная. В памяти всплыл тот день: заснеженные просторы, гордо распускающиеся цветы сливы, и ее возлюбленная, чья красота затмевала собой весь мир. Она улыбалась и говорила:

— Я не хочу быть Сюаньюань Шичэнь, я хочу быть лишь твоей Юнь Шичэнь. Хорошо?

Сердце Цзи Юэлин забилося, как барабан. Разве только хорошо? Это было слаще меда!

— Госпожа? — первой заметила неладное Цзинь И.

Цзи Юэлин не ответила, она неотрывно смотрела на портрет. Цзинь И, не обладая художественным вкусом, лишь подумала, что изображенная девушка очень красива — настолько, что казалась неземной. Но это же просто рисунок на бумаге, почему госпожа так себя ведет? Словно никогда не видела красавиц, хотя сама была несравненной красавицей. Цзинь И могла лишь мысленно ворчать, все-таки нужно было соблюдать приличия.

Жуань Сихэ, шедшая позади с тяжелой ношей, тоже заметила странное поведение госпожи. Она проследила за ее взглядом и замерла, пробормотав:

— Генерал Юнь?

— Что?! — вскрикнула Цзинь И, наконец поняв, в чем дело. — Ты хочешь сказать, что на портрете та самая госпожа?

Она никогда не видела генерала вживую, но прекрасно понимала, какое место та занимала в сердце ее госпожи. Жуань Сихэ кивнула. Она видела Юнь Шичэнь, и этот портрет не передавал и одной десятичной части ее истинного облика. В той женщине была божественная стать, она словно излучала свет, и даже просто стоя в молчании, заставляла все вокруг меркнуть. Неудивительно, что госпожа потеряла покой, глядя на этот рисунок. Неудивительно, что она была готова отдать ради нее целую империю.

Лавка была тихой и изящной. Из внутренних покоев вышла женщина, по-видимому, хозяйка, которая до этого была занята делами. Увидев посетителей, она радушно спросила:

— Что-то приглянулось, господа?

Жуань Сихэ указала на портрет Юнь Шичэнь:

— Вы хозяйка? Моей госпоже приглянулась эта картина. Кто ее автор? Не могли бы вы нас познакомить?

— Я хозяйка, — ответила женщина. Она с удивлением посмотрела на портрет, а затем на Цзи Юэлин, стоявшую перед ним. Даже со спины та казалась необыкновенно величественной. Несмотря на скромную темную накидку, в ее осанке чувствовалось благородство. Хозяйке этот силуэт показался смутно знакомым.

Картина была ее работой. Ничего выдающегося в технике не было, единственным достоинством было само лицо изображенной. Кто мог так пристально его рассматривать? Уж не та ли это была особа? Сердце хозяйки забилося от волнения, хотя внешне она старалась сохранять спокойствие, лишь руки слегка дрожали.

— Вам приглянулась эта картина? — спросила она.

Она видела ту женщину лишь однажды. В тюремной камере, когда та умоляла генерала Юнь уйти вместе с ней, но в итоге ушла одна, полная печали.

Цзи Юэлин повернулась, ее лицо было мягким:

— Изображенная здесь очень похожа на мою давнюю знакомую.

— Это вы! — прошептала хозяйка и, едва не начав движение, чтобы пасть ниц, была подхвачена Цзи Юэлин под локоть. Цзи Юэлин никогда не любила формальностей, а теперь, покинув трон, и подавно.

— Ты узнала меня? — Цзи Юэлин пристально посмотрела на нее, пытаясь найти в памяти хоть какие-то воспоминания, но тщетно.

Хозяйка, не имея возможности поклониться до земли, все же согнулась в глубоком поклоне:

— Эта простая женщина однажды видела вас, почтенная.

— Оставь формальности, — Цзи Юэлин отпустила ее руку. — Подними голову, дай мне взглянуть.

Хозяйка подняла голову. Цзи Юэлин внимательно осмотрела ее — девушке было не больше двадцати. Она покачала головой:

— Я тебя не помню.

Хозяйка подумала, что это неудивительно: в тот год ей было тринадцать, а рядом с генералом Юнь она провела всего полгода. Перемены с юности до зрелости были велики. Но не это было важно. В те смутные времена, когда ее отец силой вытащил ее из той тюрьмы, она постоянно оглядывалась назад, где оставалась лишь пустота. У нее была своя цель. Ее решение ждать на острове Пэнлай было верным — без сомнения, перед ней стояла та, кого она ждала. Небеса были милостивы: она думала, что на ожидание уйдет вся жизнь, но результат не заставил себя долго ждать.

— Не угодно ли вам пройти со мной? У меня есть вещь, которую я должна передать вам.

Хозяйка направилась к выходу, чтобы закрыть лавку, но Жуань Сихэ внезапно перехватила ее запястье. Не мастер боевых искусств. Вокруг было тихо, никакой опасности. Их путь был строго секретным, и засада была исключена, но статус ее госпожи требовал осторожности.

Цзи Юэлин махнула рукой, словно уже обо всем догадалась. Хозяйка повела их вглубь дома. Внутренний дворик был невелик, в нем росло персиковое дерево с едва набухшими почками. Скоро наступит время цветения. Цзи Юэлин вспомнила персиковую рощу на горе Чжунъяньюнь. Возможно, скоро она сможет любоваться танцем лепестков под их аромат. Теперь она хотела лишь одного — прожить остаток дней с ней, не разлучаясь ни на миг.

Юнь Шичэнь...

<http://bllate.org/book/20739/2077460>